

УДК 72.01

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-1-105-119

Путь к архитектуре аффектов

Ирина А. Добрицына

*НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства,
Москва, Россия, rinadobrits@mail.ru*

Аннотация. В данном тексте делается попытка оценить движущие импульсы формального поиска, в котором живет и пробивает себе путь художественная воля современного архитектора. Утверждается, что сегодня в условиях сверхподвижности пространственной энергетики города XXI в., являющихся результатом действия социальных, экономических и политических пружин, художественная воля архитектора отражена в тактике созидания аффектов.

Гипотеза состоит в том, что в XXI в. тактика созидания аффектов совпадает с возрожденным романтическим желанием создавать и наблюдать нечто невероятное. Представляется, что современное искусство архитектуры способно ответить на перекройку динамики пространства созданием новых сценариев будущего, свободных от социальных конъюнктур.

Ключевые слова: аффект, чувство пространства, чувственное измерение архитектуры, Август Шмарзов, энергетика среды, пространственная энергетика

Для цитирования: Добрицына И.А. Путь к архитектуре аффектов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1 (11). С. 105–119. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-1-105-119

The path to the architecture of affects

Irina A. Dobritsyna

*Institute of Theory and History of Architecture and Urban Development,
Moscow, Russia, rinadobrits@mail.ru*

Abstract. In this text, an attempt is made to evaluate the driving impulses of formal search, in which the artistic will of a modern architect lives and pierces its path. It is claimed that today, in the conditions of the super-mobility of the spatial energy of the of the 21st century city, resulted from the action of social, economic and political springs, the artistic will of an architect is reflected in the tactics of creating affects.

The hypothesis is that in the 21st century the tactics of creating affect coincide with the revived romantic desire to create and observe something incredible. It seems that modern art of architecture is able to respond to the redrawing of space dynamics by creating new scenarios of the future, free from social conjunctures.

Keywords: affect, sense of space, sensual dimension of architecture, August Schmarsow, energy of environment, spatial energy

For citation: Dobritsyna IA. The path to the architecture of affects. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, 2018;1(11):105-19. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-1-105-119

Эстетика аффекта

Предмет обсуждения в статье – вопрос о труднообъяснимом пространственно-психологическом чувственном воздействии архитектурного образа, называемом «аффект».

Обращение к тактике созидания аффектов – новейшее явление в творческой сфере архитектуры конца XX – начала XXI в. Оно совпадает с возрождающимся и не вполне осознанным желанием создавать и наблюдать нечто невероятное, весьма характерным, к примеру, для романтиков XIX в. Понимание аффектов и эмоций в наши дни имеет не только теоретический, но и практический интерес.

Представляется, что фоном для возвышения эстетики аффекта – в наши дни в архитектурном сознании – является попытка

открыть заново чувственное измерение архитектуры. Каковы же причины возвышения чувственного измерения? Их немало. Можно провести некоторые исторические параллели. Смею предположить, что анализ исторических и новейших эстетических ситуаций скорее всего подведет нас к пониманию сложной позиции современного архитектора – либо апологетической, либо контрпозиционной – в потоке жизни общества, для которого характерен взлет политических, экономических или технонаучных властных амбиций.

Чтобы понять суть явления, я попытаюсь обрисовать и некоторые особенности пространственной энергетики современного города – те, которые сегодня стали неизбежным условием перемен в состоянии мышления самой архитектуры – архитектуры, понимаемой и как деятельность по созиданию художественной формы, и как особая деятельность, выступающая частью институции, связанной с управлением, а именно с городским планированием.

Предмет интереса, таким образом, в изучении прорыва к аффектации – создаваемое архитектурой и скрытыми силами городское пространство как социально-психологический феномен, как эстетический феномен и как феномен воздействия всегда закодированной власти.

Первое: представляется важным, что в ХХI в. мы стоим перед фактом сверхподвижности пространственной энергетики города. Сверхподвижность сегодня – результат действия социальных, экономических и политических пружин, рождающих пространственные события: как структурные, так и формальные, суть и символический смысл которых далеко не сразу распознаются.

Второе: представляется необходимым провести весьма сложную, но необходимую оценку движущих импульсов формального поиска, в котором живет и пробивает себе путь та самая художественная воля современного архитектора, о которой заговорил еще в конце XIX в. основатель венской школы Алоиз Ригль. Отвергая взгляд на историю искусств как на последовательность периодов «упадка» и «прогресса», Ригль выдвинул понятие *художественной воли (Kunstwollen)*, точнее «художественного воления», благодаря которому именно художник всегда способен выразить своеобразие эпохи.

Третье: представляется особо актуальным исследование скрытых мотивов эстетических исканий современного архитектора. В связи с этим предлагается рассмотреть пространственную концепцию эстетики архитектуры немецкого искусствоведа Августа Шмарзова, иначе говоря, уделить внимание эстетическому поворо-

ту, заявленному Шмарзовым еще в 1893 г., поскольку для понимания современной эстетической проблемы чрезвычайно важно прояснить смысл воздействия архитектурного пространства.

К изложению самой позиции Шмарзова, однако, я подойду несколько позже, поскольку буду продвигаться к ней сквозь историю.

С таким предварительным суждением об актуализации аффектов начну разговор прежде всего о современном городском пространстве, в котором формируется современная архитектура. Как представляется, профессия архитектуры усматривает в городском пространстве встречу двух энергий – энергии самой архитектуры и энергетики города как сложной среды, формируемой временем.

Пространственная энергетика города и тактика архитектуры

Пространственная энергетика города – это невидимые токи. Сама по себе она является производным эффектом от действий скрытых энергий саморазвивающихся сфер – экономической, политической, технологической, социальной. Пространственная энергетика и находит формальное воплощение, и всегда строится на том или ином мифе (или как теперь принято считать, на действиях неуловимой биополитики – особой формы удержания новых мифов).

Принимая эту тезу, мы понимаем, что в городе встречаются два энергетически заряженных феномена: первый – энергетика архитектурного пространства, т. е. его имманентная сущность, второй феномен – те самые неуловимые энергии внешних саморазвивающихся сфер. И понятно, что невидимые энергии далеко не всегда улавливаются интуицией архитектора.

«Как случилось, что архитектура, затратив немало усилий, чтобы выйти из-под влияния тоталитарных режимов, не заметила восхождения другой, тысячекратно болеем влиятельной власти – власти планетарной структуры глобальных корпораций – и почему относительно легко к концу XX – началу XXI века поддалась влиянию экономической политики – неолиберальной» [1 с. 5–6].

Согласно французскому историку Фернану Броделю, важнейшим моментом становления неолиберализма явилось обособление коммерческого и финансового секторов капитала от фракций производящих. Воцарение этих двух наиболее гибких фракций в глобальном пространстве, согласно Броделю, положило начало неолиберализму, постепенно совершенствующему формы накопления капитала [2].

Глобальная, по сути, сетевая экономика сдвигает центр ответственности за город и горожан от государственной опеки к городским системам, зачастую весьма жестко связанным с глобальной сетью неолиберальной экономики.

Что нам на первый взгляд представляется очевидным? И с чем подготовленная часть архитектурного сообщества во всем мире уже столкнулась. Очевидна общемировая тенденция – несоразмерное распределение архитектурных задач – как профессионалам, так и представителям менеджмента, невиданное прежде статусное неравенство самих линий архитектурного размышления.

Чтобы аргументированно оценить тотальный характер институциональных изменений на фоне поворота пространственной энергетики жизненного пространства, именуемого городом начала XXI в., я постараюсь кратко обрисовать некие существенные черты энергетических поворотов, проявлявшихся в городе историческом, и реакцию архитектуры на наиболее крутые повороты истории.

Пространственная энергетика Рима эпохи империи: соизмеримость с эстетикой аффекта

Основатель венской школы искусствознания Алоиз Ригль рассматривает историю искусства как последовательный прогресс, не знающий провалов и возвратных движений. Используя методологический аппарат Ригля и отчасти концептуальный подход Августа Шмарзова к чувственно-пространственному воздействию архитектуры, попытаемся провести краткую оценку эстетической действенности архитектуры города, начав – конечно же, весьма произвольно и весьма условно – с имперского Рима.

Характерные черты имперского Рима – образное воплощение культа силы, военного превосходства, культа смерти. Вспомним римский Колизей в эпоху Нерона в центре города и эпицентре городской жизни. Подкупает культура городской инфраструктуры, соответствующая времени. Если подойти к Вечному городу с современными инструментами измерения его эстетической действенности, то обнаружим явление сверхэмоционального воздействия, которое не только культивировалось и удерживалось императорской властью, но имело тенденцию к возрастанию с I по IV–V вв. (до правления Константина). Обратившись к теоретическому пониманию эстетики Возвышенного, можем подойти к этому явлению с особой меркой – с меркой созидания «аффектов».

Средневековый романский город и рождение готики

Город тысячами мыслится как нечто централизованное, магнетически притягивающее, условно говоря, круглое. Средневековый романский город IV–XI вв. (до готики) – органически собранное активным совместным ремесленным трудом поселение – круг, защищенный стеной, позже – земляным валом. Активное развитие таких городов началось в Европе в X–XI вв. в центральной и северной Италии, а также во Фландрии, затем во Франции, Испании, на немецких землях Римской империи. Движущие силы – торговля и ремесленное производство. Средневековый город поначалу центрирован базиликальным храмом или замком. Ремесленные поселения, быстро разрастающиеся, естественно принимали округлую форму.

Примерно с XI в. готический храм царит над европейским городом. Архитектурные вертикали несут ответственность за ориентацию. Готический храм как эстетически и структурно необъяснимая форма принял на себя функцию аффектации. Символизировал мощь католической церкви. Все улицы сходились к храму, к паперти, причем чем ближе к собору, тем плотность улиц и домов увеличивалась. Собор – эпицентр общественной жизни города.

Великие города эпохи Возрождения: XV в.

Магнетизм круга был высоко оценен великим Альберти. Круг – это математически выверенная, а потому условно плоская фигура. Изучая структуру Рима, Альберти выделяет наличие центральной фигуры-узла, в котором стянуты главные события пространственной и социальной жизни города. Одновременно внедряется идея централизации и аффектации кругло-купольных храмов, по примеру Флоренции.

Взошедшие в ренессансную эпоху характерные черты диаграмм утопических «идеальных городов» – круговая замкнутость, геометрически четкие формы, соразмерность человеку, находящемуся как бы в центре мироздания. Проекты «идеального города» описали в своих трактатах теоретики Возрождения Виченцо Скамоцци и Антонио Филарете, Леон Баттиста Альберти, Андреа Палладио. С XV в. город начинает восприниматься как замкнутое цельное пространство, отгороженное и отличное от природы, пространство, где проходит вся жизнь человека. В этом ограниченном пространстве должны были быть полностью учтены как физические, так и эстетические идеалы человека.

Барокко: XVII в.

Однако впервые собственно теория аффектов в творческой сфере была создана в XVII в. – в музыке барокко. Фоном обращения к аффектам был усиленный всплеск католической контрреформации, возникший как ответ на снизившую авторитет церкви протестантскую реформацию. В XVII–XVIII вв. храмовая эстетика барокко ставила целью ошеломить зрителя архитектурой, церемониями, музыкой, воздействующей на чувство.

Согласно барочной музыкальной теории аффектов, цель композиторского творчества – возбуждение аффектов. За группами аффектов закреплялись определенные музыкальные стили, лады и другие приемы композиторского письма. Многие композиторы эпохи включая и крупнейшего из них – Клаудио Монтеверди – специально обучились магии.

В XVII в. философ Рене Декарт (1596–1650) рассматривал проблему аффектов (или страстей) как особых телесных состояний, своеобразно регулирующих психическую жизнь человека. Он отказался от античного противопоставления этоса (умеренности) и пафоса. Отказался и от мистицизма. По Декарту, «цель музыки – доставлять нам наслаждение и возбуждать в нас разнообразные аффекты» [3 с. 342].

Известно, что архитектура барокко не создавала теории. «И тем не менее духу барокко ничто не могло заменить архитектуру как способ выражения. Она обладала исключительным свойством – способностью передавать *величественное*. Здесь мы касаемся самого нерва барокко. Его замыслы могут быть воплощены лишь в огромном» [4].

Архитектура барокко не создавала теории, но она была остроумна. «Борромини был мастер драматизации пространства. Барокко остроумно, то есть, переводя на архитектурный язык, – остро-пространственно, понеже ум в архитектуре выражает себя пространством. Борромини был лучший мыслитель барокко – в том, как он умел закручивать пространство, ему не было равных. Вон Сан-Карлино алле Куаттро Фонтане (за ее небольшие размеры и изящество римляне прозвали ее “Карлуша у фонтанов”). Можно сказать, что церковь эта изваяна как скульптура, самый воздух интерьера сложен в некую фигуру, растянутую на напряженных овалах» [5].

XVIII и XIX вв.

Просвещение устремлено к выработке эстетических норм. Театральность уступает место достоинству. Но, как известно, теоретический интерес к аффектам в природе, искусстве, в том числе архитектуре, был возбужден Эдмундом Берком в 1757 г. Четкая трактовка Возвышенного Кантом заявлена в 1790 г., что впоследствии позволило архитектору уйти от правил следования прекрасному в поисках способов возбуждения аффектов. Однако в архитектуре теория аффектов не складывалась и в XVIII в.

Романтизм XIX в. создал свою систему ценностей, в которой пользе была противопоставлена красота, расчету – вдохновение, самодисциплине – пылкие порывы. Эта система ценностей имела огромное влияние на современников. Мистико-религиозное воззрение представителей немецкого романтизма, например Фридриха Шлегеля, отвергало машинную цивилизацию.

Обращаясь к XIX в., мы «слышим крик отчаяния Карла Фридриха Шинкеля в 1826 г., после возвращения в Берлин из Манчестера, где он увидел, какие невообразимые трансформации ландшафта повлекла за собой промышленная революция» [6 с. 139].

«У истоков символизма стоит Шарль Бодлер. Поэт бродит по индустриальному, меркантильному, механизированному городу, где никто уже не принадлежит себе и где любая попытка углубиться в свой внутренний мир кажется заранее обреченной: газеты... обезличивают индивидуальный опыт, сводя его к общим схемам; торжествующая фотография жестоко пресекает всякое движение, заставляет замереть действительность...» [7 с. 346]

Считаю, что философский пересмотр эстетики архитектуры получил мощный импульс в конце XIX в. Особо актуален сегодня эстетический поворот, заявленный в 1893 г. немецким искусствоведом Августом Шмарзовым. Повторим, что сегодня для понимания проблем, связанных с эстетическими феноменами XX и XXI вв., чрезвычайно важно прояснить смысл воздействия архитектуры как искусства пространственного.

Современный шведский теоретик архитектуры Свен-Олоф Валленштайн тонко подводит читателя к пониманию концепции Шмарзова. Он пишет: «...архитектуру можно понимать как прообраз или “проектирование” будущих человеческих ощущений: архитектор создает модель возможного движения, вероятную траекторию тела... Геометрические структуры... служат инструментами, которые воздействуют на наши чувства и порождают новый тип чувствующего индивидуума. В этом можно видеть “эстетический поворот”, но

только не к созерцанию, а к действию и созиданию, к архитектуре, создающей новый чувственный аппарат. Эта линия размышлений приводит в итоге к концепции Августа Шмарзова» [6 с. 135–136].

Согласно Шмарзову, архитектура является *созидательницей пространства*. Архитектура – таким образом – не подобие тела (как это было в классической теории), она чувственно действует на тело, обладающее уникальным «чувством пространства».

Шмарзов утверждает, что «архитектурное произведение состоит не из камней и сводов, оно имеет дело со всеобщим чувством пространства, исходящим из нашего тела как нулевой точки отсчета, где пересекаются пространственные координаты. Оно фундаментальным образом связано с “чувством пространства”; архитектура является созидательницей пространства, и только на этом основании ее части и отдельные тектонические элементы могут приобретать выразительность и транслировать какие-то содержания... История архитектуры должна писаться как история “чувства пространства”... История архитектурно-строительного искусства – это история чувства пространства и, благодаря этому, сознательно или бессознательно, – и основополагающий элемент в истории мировоззрений» [6 с. 136].

Но обратимся к тексту лекции самого Августа Шмарзова, в которой он пишет о том, что архитектура уготовливает некое новое оформление тому, что уже пребывает в вере народа и эпохи и принимается ею, и нередко такое происходит в условиях суровых перемен, когда всему прежнему грозит полное низвержение, но только в архитектуре это некое новое находит поддержку благодаря тому возвышенному языку, на котором говорят ее камни.

Он восклицает: «Так не пора ли все-таки поставить вопрос о самом истоке архитектуры и ее имманентной сущности? Генетический способ рассмотрения, который уже давно в ходу в исторической науке, а сегодня пронизывает уже и естествознание, способен, вероятно, не меньшее число своих благотворных плодов предоставить и искусствоведению, располагающему посередине между двумя вышеупомянутыми науками. Однако речь идет скорее о поиске вместо эстетик “сверху” или “снизу”, которые до сих противопоставляет (Густав Теодор) Фехнер, некоей иной эстетики – эстетики изнутри!!! Речь идет о необходимости положить начало движению изнутри вовне – как раз с помощью архитектуры, которая сама столь долго эстетикой извне представлялась одной лишь своей внешней стороной. Сегодня мы понимаем, что эстетическое рассмотрение наших даже наипростейших линейных образований и психологическое объяснение производимых ими непосредственных впечатлений или игры ассоциативных

факторов сегодня действительно исходит уже из творящего субъекта и передается субъекту воспринимающему» [8].

Современный интерес к архитектуре, к ее способности создавать «аффекты» связан с реактуализацией этой пространственной теории Шмарзова. Дискуссии об «аффективном повороте» прошли в XXI в. в ряде журналов (Archplus. 2006. № 178 и др.).

Индустриальный город Корбюзье и зарождение фордизма

«Современная архитектура есть прежде всего логика» писали в 1931 г. об американце Реймонде Худе. Известно, что к началу XXI в. возник так называемый феномен «геополитической эстетики», смысл которой состоит в повторении принципиально сходной формальной тактики в планетарном масштабе, что ведет к однообразию среды. Сегодня мы знаем, как негативно предстал несдержанный прорыв манхетенизма в азиатских странах.

Отклонением от естественного кругообразного развития индустриального города был манифестируемый Корбюзье «Лучезарный город» (1930).

Внимательное всматривание в диаграмму Корбюзье «Лучезарный город» позволяет понять авторский замысел, отвечающий запросам времени, зарождению и установлению весьма жесткой схемы капитализма. Закодирована схема скрытой власти, биополитической власти: здания правительства и центров изучения общества размещены в пригороде; главным символом города становятся высотные здания делового центра; линия железной дороги, отелей и посольств отделяет деловой центр от жилой застройки; структурный рисунок застройки для производственных работников города (сегодня поражает повторением идентичных геометрических комбинаций, растянувшихся на несколько гектаров). Город жестко зонирован параллельными лентами зоны тяжелой промышленности, складов, легкой промышленности, рекреации.

Далее мы пропустим эпоху кризиса и психологического надлома модернистской парадигмы, оставим без особого внимания атаку постмодернизма на декартову решетку. В контексте данной статьи постмодернистская эпоха нам интересна лишь постольку, поскольку она породила специфическое движение феноменологической архитектуры, творческое кредо которой имеет сходство с усилением чувственности воздействия архитектуры и ее восприятия.

Но вот новый перелом 1985 г., новая ситуация – появление постфордизма – требует переключения внимания.

*Пространственная энергетика постиндустриального города:
радикальная трансформация ландшафта*

В конце XX – начале XXI в. центристемительная энергетика городского пространства уступает место центробежной по преимуществу энергетике.

Эта ситуация кризисная, в том смысле что она предъявлена как долго нераспознаваемое *событие*, но, следовательно, и как новая задача для архитектора. Обратимся к понятию *событие* в трактовке философа Екатерины Игнатович. Опираясь на размышления Канта о возникновении эпохальной культуры Просвещения, Игнатович говорит о *событии* как о зарождении новой формы рефлексии над бытием становящимся. «*Событие*, если это эпохальное событие, отменяет все предыдущие дискурсы, трансформирует поле знания и – что важно – вынуждает... к действию» [9 с. 42].

Радикальное изменение динамики пространства постиндустриального города я рассматриваю как некое *событие*, до сих пор нераспознанное и вызывающее раздражение значительной части общества. Оцениваю его как энергетический слом исторически устойчивой ориентированной на человека урбанистической структуры города – города-производителя, центра культуры, торговли, – как переориентацию жителя на город сервисный, более того – на город, в котором, по терминологии Мануэля Кастельса, «пространство информационных потоков» превалирует над «пространством мест». И помимо прочего, в психологию горожанина, как он отмечает, внедряются символы сетевого общества, его структуры и его динамики [10 с. 178–180].

На фоне стремительного переделывания пространства города его смыслов и его формы (мы удивляемся активности захвата территории бывших городских промзон жилыми кварталами на продажу) возникает вопрос: как происходит воздействие новой энергетике пространства на архитектурное сообщество?

Что открывает для себя архитектор? Представляется, что первый и самый главный результат ухода производящего города и прихода города сервисного – это негласная, но вполне реальная тенденция раздвоения и перекройки организационной системы архитектурного проектирования.

И второй результат, восходящий к идеям художественной воли (волению) Алоиза Ригля и пространственной теории Августа Шмарзова, – это расширение смыслового и формального полей эстетики в архитектуре в тисках новейших условий – вплоть до аффектов.

*Биополитика и архитектура аффектов:
уход от утверждения*

Принципы биополитической опеки, насаждаемые сегодня в глобальном масштабе, проанализированы Мишелем Фуко в курсе лекций, прочитанном в Коллеж де Франс в 1978 г. и озаглавленном «Нужно защищать общество». По мысли Фуко, в Европе Нового времени под влиянием просвещенческих доктрин осуществляется переход от механистической модели общества, строго расчерченного на дисциплинарные пространства (вроде тюрьмы, больницы или сумасшедшего дома), к модели общества как организма, требующего превентивного или реального лечения от широчайшего спектра социальных заболеваний [11].

Постепенно на месте прежних сообществ с их проектным мышлением и тягой к «безместности» (детерриториализации в делезовском понимании) стали образовываться элитарные и в меру бюрократические компании культурных менеджеров, сделавших свои компетенции ходовым товаром на глобальном рынке услуг.

Вот на таком фоне архитектура выбирает сегодня сознательный уход от прямого утверждения той или иной идеи. Идея, если она и есть, закамouflирована.

Именно поэтому, как представляется, главенствуют две тактики в поведении профессиональных сообществ, воздействующих на структуру города.

Первая – ориентация архитектуры на аффекты, как бы не утверждающие никакой политической идеи, но задевающие чувство любопытства масс, не позволяющие прямой критики самой сущности архитектурного сюжета, авторского жеста. Тем самым аффекты – возможность камouflяжа высказывания. Это внутренняя позиция архитектора. Это его запрос самому себе в условиях скрытого давления биополитики.

Вторая тактика – ориентация на архитектуру, условно говоря, «без архитектора». Со своей стороны, биополитика камouflрует скрытые интересы сетевой власти, выдерживая стереотип модернистской коробчатой эстетики для быстро выпускаемых на продажу объектов недвижимости.

Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, язык аффектированной архитектуры неуловим. С другой стороны, биополитика с ее стремлением «лечить общество» сливается с запросом на аффекты, исходящие теперь и от самой архитектуры (отсюда обилие невероятных форм, поддержанных технологией проектирования), и со стремлением удерживать статус города.

Важно отметить, что обращение к аффекту позволяет архитектору высказать свое отношение к миру, не впадая в прямую репрезентацию того или иного мифа. Одновременно архитектор демонстрирует авторский почерк.

Таковы, на мой взгляд, крайние, полярные жесты архитектуры и сопряженной с ней девелоперской политики. Здесь мы не рассматриваем усредненные программы действия архитектора.

Архитектура аффектов XX–XXI вв.

Гипотеза: тактика созидания аффектов совпадает с возрожденным романтизированным желанием создавать и наблюдать нечто невероятное. Черты современных построек, сопоставимых с принципом аффекта: 1) сверхмасштаб (в терминологии Кулхаса «биг-несс»); 2) шок, формальная неожиданность; 3) образная апелляция к невероятным ассоциациям.

Поскольку аффектированные постройки XX и XXI вв. сверхмасштабны, в городах ареала западноевропейской культуры часто требуются их автономизация и островное расположение, что достигается, например, их расположением на водных просторах.

Такова, например, Филармония в Гамбурге на Эльбе, созданная Жаком Герцогом и Пьером де Мерином. Музей Конфлуанс на слиянии рек, созданный группой Кооп Химмельблау, Кампус фирмы Эппл в Купертино (архитектор Норман Фостер).

В этой тенденции современных аффектов усматриваем и скрытое присутствие шокового принципа аффектов имперского Рима, столь прочувствованного Альберти, и властной силы готики, и творений барокко. Принцип аффектов стал едва ли не основным в предъявлении архитектурных шедевров XXI в.

Заключение

Представляется, что современное искусство архитектуры способно ответить на переключку динамики пространства созданием новых сценариев будущего, «свободных от сегодняшних социальных конъюнктур» (Фуко). Современное состояние эстетики архитектуры далеко еще не соответствует радикальности запроса. Понятно, что запрос на зрелищную уникальность архитектуры только обостряется. И сегодня это уже запрос на аффекты.

В современных условиях сложной диалектики репрезентации социума обращение к аффекту позволяет архитектору позиционировать себя по отношению к процедурным теориям городского планирования, высказывать свое отношение к миру, не впадая в прямую репрезентацию того или иного мифа. И возможно, главное: аффектированная архитектура возвращает человеку восторженное чувство современности, притягательности и уникальности места.

Литература

---

1. Добрицына И.А. Концепции архитектуры последних десятилетий как ресурс. К проблеме распознания смысла реальности // АСADEMIA: Архитектура и строительство. 2014. № 1. С. 5–6.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. В. Колесникова. [Электронный ресурс] Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/braudel/ (дата обращения: 20.10.2017).
3. Декарт Р. Компендиум в музыке // Музыкальная эстетика Западной Европы XVII–XVIII вв. /Сост. текстов и общ. вступ. ст. В.П. Шестакова. М.: Музгиз, 1971. С. 342–351.
4. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко: Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. [Электронный ресурс] URL: [https://royallib.com/read/vyolfliin_genrih/renessans_i_barokko_issledovanie_sushchnosti_i_stanovleniya_stilya_barokko_v_italii.html#368640] (дата обращения: 21.10. 2017).
5. Смирнов Г. Метафизика Рима: барокко. [Электронный ресурс] URL: <http://www.abc-people.com/data/bernini/barocco2.htm> (дата обращения: 20.10.2017)
6. Валленштайн С.-О. Конец витрувианства и изменение структуры архитектурного трактата // Проект International. 2013. № 36. С. 131–139.
7. Эко У. Гл. 13: Религия красоты // История красоты / Под ред. У. Эко. М.: СЛОВО/ SLOVO, 2004. С. 329–359.
8. Шмарзов А. Сущность архитектурного творчества: фрагмент лекции, произнесенной Августом Шмарзовым в актовом зале Императорского университета Лейпцига 8 ноября 1893 г. при вступлении на должность ординарного профессора истории искусства: рукопись. [Электронный ресурс] URL: https://art-life.biz/rus/files/kniga_vtoraya_avgust_shmarzov.PDF (дата обращения: 15.09.2017).
9. Игнатович Е. Событие и современный философ // Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты / Ред. В.А. Подорога; предисл. Е.В. Петровской. М.: ИФ РАН, 2004. С. 42–55.
10. Кастельс М. Информационализм, компьютерные сети и сетевое общество – теоретическая модель // Проект International. 2016. № 41. С. 178–195.
11. Фуко М. Рождение биополитики: Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. г. / Пер. А.В. Дьяков. [Электронный ресурс] СПб.: Центр гуманитарных технологий, 2010. 10.10.2013. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709> (дата обращения: 25.12.2017)

References

---

1. Dobritsyna I. Conceptions of architecture of the last decades as resource. To the question of defining the reality sense. *ACADEMIA. Architecture and Construction*. 2014;1:5-6.
2. Braudel F. La Dynamique du capitalisme. [Internet] Smolensk: Poligramma Publ., 1993 (data obrashcheniya: 20.10.2017). 128 p. URL.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/braudel/ (In Russ.)
3. Descartes R. Compendium musicum. V: Shestakov VP, comp. and preface. *Musical Aesthetics of Western Europe of 17th–18th centuries*. Moscow: Muzgiz Publ., 1971. p. 342–51. (In Russ.)
4. Wölflin H. Renaissance and Baroque: Study of the essence and formation of the Baroque style in Italy. [Internet] (data obrashcheniya: 21.10. 2017). URL.: https://royallib.com/read/vyolfliin_genrih/renessans_i_barokko_issledovanie_sushchnosti_i_stanovleniya_stilya_barokko_v_italii.html#368640 (In Russ.)
5. Smirnov G. Metaphysics of Rome. Baroque. [Internet] URL.: <http://www.abc-people.com/data/bernini/barocco2.htm> (data obrashcheniya: 21.10. 2017). (In Russ.)
6. Wallenstein S.O. The end of vitruvianism and change in structure of architectural treatise. *Proekt International*. 2013;36. P.131-9 (In Russ.)
7. Eco U. La storia di bellezza. V: Eco U., editor. *The Beauty History*. Moscow: SLOVO Publ., 2004. P.329-59 (In Russ.)
8. Shmarzov A. The essence of architectural creation. Fragment of a lecture given by August Shmarzow in the assembly hall of the Imperial University of Leipzig on November 8, 1893 when entering the position of an ordinary professor of art history: the manuscript [Internet] (data obrashcheniya: 15.09.2017). URL.: https://art-life.biz/rus/files/kniga_vtoraya_avgust_shmarzov.PDF (In Russ.)
9. Ignatovich E. The event and contemporary philosopher. V: Podoroga VA., editor. *Experience and sensual in the culture of modernity. Philosophical and anthropological aspects*. Moscow: IF RAN, 2004. p.42-55. (In Russ.)
10. Castels M. Infomationalism, computer networks and network society: a theoretic model. *Proekt International*. 2016. 41:178-95. (In Russ.)
11. Foucault M. The birth of biopolitics. The cycle of lectures delivered at the College de France in 1978-1979. [Internet] Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh tekhnologii, 2010. 10.10.2013. (data obrashcheniya: 25.12.2017). URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709> (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина А. Добрицына, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 111024, ул. Душинская, д. 9; rinadobrits@mail.ru

Information about the author

Irina A. Dobritsyna, Dr. in Art History, Institute of Theory and History of Architecture and Urban Development, Moscow, Russia; bld. 9, Dushinskaya st., Moscow, 111024, Russia; rinadobrits@mail.ru